

Так повторялось несколько раз, пока обе не выбились из сил. Хэ Янься уже давно тяжело дышала, а всё её тело ныло от усталости. Му Цзышань же с затуманенными глазами долго и отрешенно смотрела в какую-то точку в пространстве, после чего наконец закрыла глаза и провалилась в глубокий сон.

Хэ Янься с чувством глубокого удовлетворения прильнула к ней и принялась разглядывать спящую, всю усыпанную мелкими капельками пота, которая погрузилась в мир снов под ровное дыхание. За все эти дни она впервые видела, чтобы во сне брови Му Цзышань разгладились — то ли оттого, что сегодня они слишком сильно вымотались, то ли по какой-то другой причине.

В этот момент из-под неё донесся тихий бормочущий шепот. Хэ Янься не расслышала слов. Но стоило ей придвинуться ближе, чтобы разобрать фразу, как её тело мгновенно оцепенело.

Спящая звала вовсе не кого-то другого, а её младшую сестру Цзиньюэ.

Очнувшись, Му Цзышань еще смутно помнила некоторые обрывки того дня: она помнила, как сплеталась с этой женщиной-демоном, помнила даже ощущение ее пальцев на своем теле, а также собственные вздохи и стоны в те минуты.

Стоило ей только вспомнить об этом, как ее охватывало такое жгучее чувство стыда, что хотелось исчезнуть с лица земли — лишь бы не мучиться сейчас вопросом, как жить дальше и как смотреть на саму себя. Му Цзышань страстно желала одним ударом меча покончить со своей жизнью, чтобы раз и навсегда стереть след своего существования в этом мире и избавиться от всего, что не хотелось помнить. Однако Хэ Янься, словно заранее предугадав её мысли, давным-давно связала ей руки и ноги, а также заставила проглотить снадобье, подавляющее духовную силу и вызывающее жуткую слабость во всём теле. Привязанная к постели, она чувствовала себя совершенно бесполезной калекой и, кроме как изо дня в день размышлять о том, как бы свести счёты с жизнью, ничего больше не могла.

После того дня Хэ Янься на удивление долго не появлялась. Раньше, даже когда у неё не было никаких дел, она то и дело заглядывала к Му Цзышань. К тому же Му Цзышань знала, что это комната самой Хэ Янься, и раз та не возвращалась сюда, оставалось только гадать, куда же она ушла.

Впрочем, в отсутствие Хэ Янься Му Цзышань чувствовала себя куда свободнее — по крайней мере, не приходилось целыми днями терзаться внутренним противоречием между жадой убить Хэ Янься и жгучей ненавистью к собственной беспомощности. Подумав о том, что срок, о котором она договорилась с сектой, уже близок, Му Цзышань ощутила в сердце проблеск освобождения. Её задание почти выполнено, и раз удастся сохранить жизнь младшей сестре, её собственная смерть не будет бессмысленной. Она оказалась унижена тем человеком до такой степени, что теперь не представляла, как ей дальше жить на свете. Она боялась, что в будущем то и дело будет вспоминать картины, с которыми невыносимо сталкиваться лицом к лицу. Вместо того чтобы подвергать себя столь долгим мучениям, не лучше ли было разом покончить со своей жизнью.

В этом мире для неё не осталось ничего, о чём стоило бы тревожиться. Младшую соученицу спасли, и она наверняка станет со старшим соучеником Чу парой истинных небожителей. Больше не будет нужды защищать её, а её муж несомненно не позволит ей испытать ни малейшего горя.

Родители и близкие Му Цзышань уже давно покинули этот мир, сама же она отличалась холодным нравом, и за столько лет в стенах секты у неё почти не осталось близких друзей. Ей оставалось лишь гадать: если она в один прекрасный день действительно умрёт, прольёт ли хоть слезинку по ней маленькая младшая соученица, в то время как остальным, пожалуй, будет совершенно всё равно, жива она или нет?

Даже если продолжить жить на этом свете, в будущем неясно, ради чего вообще стоит к чему-то стремиться. К тому же настанет день, когда придётся смотреть, как та женщина выходит замуж и рождает детей, как она постепенно перестаёт нуждаться в её заботе и понемногу исчезает из её жизни, пока в конце концов вновь не останется лишь она одна.

Если сейчас удастся умереть здесь, отдав взамен свою жизнь ради спасения той девушки, это было бы даже неплохо.

Хэ Янься последние несколько дней пребывала в отвратительном настроении.

Окружающие ходили на цыпочках, до смерти боясь в чём-нибудь оплошать и навлечь на себя беду; завидев Дворцовую госпожу Чи, все стремились поскорее скрыться с глаз. Стоило знать: когда Хэ Янься была не в духе, её нрав становился особенно капризным, и в такие моменты она с особым усердием расправлялась с людьми.

В тот день Му Цзышань во сне выкрикнула имя Цзиньюэ, чем смертельно разозлила Хэ Янься. Если вдуматься, она ведь даже не могла найти для своей злости хоть какую-то причину: эта женщина была для неё всего лишь игрушкой, её истязали лишь ради забавы в минуты скуки, а любовные утехы с ней казались забавными просто так — прошло и прошло. Какая разница, чьё имя та шептала во сне, для Хэ Янься это не имело никакого значения, однако сердце почему-то невольно переполнялось яростью, которой никак не удавалось найти выход.

Позже она даже заглянула взглянуть на ту маленькую младшую соученицу, и смятение в её душе стало только сильнее.

Эта девчонка обладала лишь заурядной внешностью, в лучшем случае её можно было назвать миловидной и приятной. Что в ней вообще могло быть такого, ради чего человек готов стерпеть любые муки и не бояться смерти? Когда же она сама смотрела на неё, недовольство в её сердце делалось лишь сильнее, и она решительно никак не могла этого понять. Когда Хэ Янься снова посмотрела на Му Цзышань, то заметила, что та сильно изменилась по сравнению с прошлыми разами. Раньше Му Цзышань, встречаясь с ней взглядом, либо демонстративно отворачивалась, делая вид, что не замечает, либо свирепо смотрела в ответ. Именно эта гордость заставляла Хэ Янься смотреть на неё иначе и постепенно уделять ей всё больше внимания. Но теперь, увидев её вновь, Хэ Янься почувствовала, что её взгляд стал пустым — словно перед ней человек, потерявший всякий вкус к жизни, в чьём сердце уже ничто не способно вызвать ни малейшей ряби.

Неужели она настолько устыдилась того, что они разделили ложе, что теперь хочет покончить с собой? Если это действительно так, то те догмы, которые внушают людям мастера праведного пути, поистине настолько косны, что ей было совершенно не понять этого. И какой смысл

держаться за эту призрачную репутацию и целомудрие, позволяя какой-то бессмысленной идее лишать человека воли к жизни?

Однако в глазах пленницы не было той ярости, которую Хэ Янься ожидала увидеть. Напротив, в них читалось нечто вроде облегчения, от которого становилось жутко и непонятно. Трудно было сказать, означало ли это, что её самоуважение было сломлено окончательно и теперь она покорится ей подобно бессловесной рабыне... Но если этот человек действительно превратится в нечто подобное, какой в этом смысл? Разве не её упрямая, нестигаемая гордость привлекала к ней интерес?

Хэ Янься всё меньше понимала, чего именно она хочет. Желает ли она замучить до смерти эту непокорную девчонку? Но когда та оказывалась на пороге гибели, ей почему-то не хотелось, чтобы она умирала. Или она хотела стерпеть всю гордость из её глаз и втоптать её в грязь под своими ногами? Но теперь, глядя на это безжизненное выражение лица, Хэ Янься не испытывала ни малейшего воодушевления, и то предвкушение удовлетворения испарилось без следа. А если её цель заключалась лишь в том, чтобы просто истязать её, почему же вид и имя другой женщины, сорвавшиеся с губ соперницы во сне, вызвали у неё такую ярость?

Тайные желания, поднявшиеся со дна души, делали её раздражительной и тревожной, но она никак не могла понять, куда они ведут, и не в силах была подавить их силой воли.

Какой вообще смысл этот человек имел для неё? Чего она хотела — чтобы та жила или умерла? Или же просто издеваться над ней так, чтобы та не могла ни жить нормально, ни умереть?

Стоило взглянуть на Му Цзышань, как в душе Хэ Янься нарастало глухое раздражение. Ни на один из этих вопросов не находилось ответа, а клубок запутанных чувств становился всё сложнее, лишая её душевного покоя.

Несколько дней спустя Хэ Янься получила доклад от подчинённых: неподалёку от Дворца Цюньин были замечены подозрительные лица, которые расспрашивали об этих двоих. Хэ Янься отправила людей проверить лазутчиков, и те донесли, что новости подтвердились: хотя чужаки тщательно маскировали внешность и походку, их боевые искусства выдавали их с головой. Стоило лишь немного поразмыслить, как стало очевидно, что все они — ученики, посланные Сектой Тяньюй, и среди них был тот самый человек, которому принадлежало письмо, постоянно хранившееся у Лян Цзиньюэ.

Подчинённые спросили, не нужно ли отправить людей избавиться от этих лазутчиков, но Хэ Янься лишь усмехнулась, махнула рукой, велел им удалиться, и приказала пока не трогать соглядатаев и оставить их в покое.

В мыслях же она связала это с недавним странным поведением Му Цзышань, и многое встало на свои места. Учитывая её реакцию в последние дни, Хэ Янься начала догадываться о происходящем. В тот день Му Цзышань умоляла пощадить её младшую соученицу ценой собственных мучений, видимо, уже предчувствуя, что за ними придут спасители. Она хотела пожертвовать собой ради жизни той девушки. А теперь, подсчитав, что срок подошёл, она

решила, что её миссия выполнена и можно спокойно уходить из жизни.

От этой мысли ей стало даже немного досадно: оказывается, всё это время смирение и покорность этой женщины были лишь средством дотянуть до помощи, чтобы ту девчонку успели спасти. И ради чего было выносить столько боли — непонятно, чего она вообще добивалась?

Если всё обстоит именно так, то как только её младшую соученицу спасут, эта женщина наверняка не захочет больше жить на свете. Выходит, ту девчонку нельзя ни убивать, ни позволять этим людям её вызволить. Но если держать её во Дворце Цюньин, Хэ Янься находила её присутствие невыносимо раздражающим.

Чем больше она думала об этом, тем сильнее раскалывалась голова. Она никак не ожидала, что когда-нибудь окажется втянута в столь бессмысленную путаницу из-за какой-то чепухи, и понятия не имела, как на её голову свалилась такая великая напасть, как Му Цзышань.

Равнодушный вид Му Цзышань, которая смотрела на неё как на пустое место, тоже сильно действовал Хэ Янься на нервы. Пленнице уже впоили снадобье, подавляющее внутреннюю энергию, и крепко-накрепко привязали к постели, а у дверей дежурило несколько искусных бойцов, так что сбежать она точно не смогла бы. Но что делать, если в один прекрасный день она надумает покончить с собой? Тогда придётся убрать из комнаты все острые предметы. Если попытается перекусить язык — засунуть в рот кляп, чтобы та даже челюсти сомкнуть не могла. Если объявит голодовку — вливать лекарственный отвар силой. Но если дойти до такого, какой вообще смысл держать этого человека при себе?

Если дело дойдёт до этого, пленница станет хуже бездушной марионетки. Испытывать хоть какое-то удовольствие от истязаний над существом, не проявляющим никаких реакций, Хэ Янься была не в силах.

Убить — жалко, отпустить — обидно, а удержать невозможно.

— Всего лишь игрушка...Хэ Янься смотрела, как Му Цзышань говорит сама с собой. Та лежала на кровати с пустым взглядом, словно очутившись в совершенно ином, недоступном для Хэ Янься мире, который наглухо отрезал её от реальности, не позволяя ни единому звуку долететь до её ушей.

В таком взгляде сквозило лишь отчаянное стремление умереть — пустом, затуманенном, лишённом всякой надежды на жизнь.

Оказывается, не всё на свете подчиняется твоей воле.

Она могла заставить её умереть, но была не в силах заставить жить.

Даже если силой удержать её в этом мире, эта женщина станет лишь бездумной кукольной оболочкой, а та гордая и негибкая душа, что таилась внутри, ускользнет безвозвратно.

Но к чему эти терзания? Зачем тратить столько душевных сил и энергии ради подобного

человека?

Всего лишь игрушка.

Какой бы гордой она ни казалась, в конце концов она не более чем игрушка.

Подумала Хэ Янься.

Она снова и снова повторяла про себя эти слова, словно пытаясь убедить в них собственное рассудок.

Пусть живёт или умирает как знает, в конце концов, всегда можно отыскать новую «забаву». Эта женщина и так натерпелась от её издевательств, так что позволить ей умереть — это даже проявление милосердия, избавляющее от долгих и мучительных страданий.

Однако буря в душе никак не утихала, гнев в груди грозил вырваться наружу, и стоило лишь взглянуть на лежащую перед ней женщину, как внутреннее спокойствие тут же исчезало.

Придя в себя после пережитого, Му Цзышань вновь ощутила, как по всему телу разливается до боли знакомое жжение. С той самой ночи, когда они разделили ложе, Хэ Янься больше не подсыпала ей зелья и даже не притрагивалась, но теперь почему-то вновь заставила её выпить это снадобье.

Быть может, оттого, что за последнее время тело слишком привыкло к отраве, а может, из-за долгих и ненавязчивых ласк Хэ Янься, Му Цзышань стала куда чувствительнее, чем прежде. Стоило ей проглотить лекарство, как сознание затуманилось, тело охвил жар, а дыхание сделалось тяжёлым и прерывистым.

Сквозь пелену перед глазами проступила фигура Хэ Янься, но очертания расплывались, и нельзя было понять, не очередной ли это кошмарный морок. После принятого снадобья все ощущения переплелись в хаос, стирая грань между явью и сном, где даже боль и блаженство казались неразличимыми.

В туманной дымке ей показалось, будто уголки губ Хэ Янься тронула едва заметная улыбка, лишённая, впрочем, всякой теплоты — от неё веяло лишь леденящим холодом, и на лице не осталось даже привычной насмешливой иронии.

Быть может, это всего лишь очередной безумный кошмар, мир, где стёрлись границы между добром и злом, правдой и ложью.

А может, долгие истязания просто истощили Му Цзышань, лишив её сил сопротивляться и желания жить.

Пусть всё идет своим чередом, пусть её существование тихо растворится в небытии; раз в её сердце не осталось ни к кому привязанности, почему бы не отпустить всё разом и не обрести долгожданный покой.

Хэ Янься легко развязала завязки одежды, и гладкие, нежные пальцы скользнули под ткань, без усталости блуждая по её телу.

В голове вспыхнула волна жара, сопровождаемая приглушённым стоном, дыхание стало еще тяжелее, а мысли исчезли, оставив лишь звенящую пустоту.

Хэ Янься склонилась над ней, целуя мочку уха, нежно покусывая и прихватывая губами, а затем скользнула ниже по шее.

За эти дни Хэ Янься изучила каждый чувствительный уголок на теле Му Цзышань и теперь, словно нарочно целясь в самые уязвимые места, в два счёта заставила её заходиться в частых стогах.

В глазах Хэ Янься пылал глубокий огонь, отчётливо выдавая жгучую смесь гнева и ненависти, но действовала она при этом поразительно хладнокровно, рассчитывая каждое движение с безупречной точностью, не допуская ни единой ошибки. Впрочем, разглядеть эту сложность чувств погружённая в туманную полудрему Му Цзышань была не в силах.

Намеренно дразня каждую сокровенную точку на её теле, гладкие, нежные кончики пальцев продолжали свой бесконечный путь: лаская, сминая и слегка пощипывая, они разжигали в сердце Му Цзышань искру, что вскоре пламенем охватила всё её существо.

Межбровье, область за ушами, шея, плечи, ключицы, грудь... затем пальцы медленно поползли ниже, оглаживая стройные, изящные ноги Му Цзышань. Мозолистые подушечки пальцев Хэ Янься шершаво скользили по гладкой коже, прежде чем проникнуть в самую сокровенную глубину её лона.

Движения Хэ Янься были на этот раз куда более сдержанными и хладнокровными, чем прежде, и даже от её тела веяло холодом; не тратя времени на прежние терпеливые ласки, она сразу погрузила руку внутрь Му Цзышань — с настойчивой, почти грубой поспешностью, но неизменно точно находя каждую чувствительную точку. Настойчивые толчки следовали один за другим, то глубокие, то поверхностные, и вскоре тело Му Цзышань напряглось, забившись в мелкой дрожи, а сознание окончательно погрузилось в туманный хаос.

Дыхание участилось, стоны стали громче.

Кровь в жилах закипела, раскалившись до предела.

Знакомый стон, сорвавшийся с собственных губ, неожиданно пробудил в душе жгучий стыд.

Тело помимо воли отзывалось на каждое движение этой женщины.

Мир вокруг словно перестал существовать.

Даже собственное отражение в реальности казалось всё более призрачным.

Лишь в самом конце, изнемогая от усталости и покрытая испариной, она слегка вернулась в рассудок. Лицо Хэ Янься вновь обрело чёткость, и вместе с прозрением нахлынуло острое, невыносимое чувство стыда.

Она заметила, что Хэ Янься сохраняет холодное выражение лица, а на губах не осталось даже привычной насмешливой улыбки. В этот момент до слуха Му Цзышань донеслись доносящиеся из-за шёлкового занавеса на другом конце комнаты прерывистые, тихие всхлипывания. Этот звук ударил по ней с силой грома, заставив всё тело зайти в испуганной дрожи, а сердце сжалось в тисках так сильно, что стало трудно дышать.

Пусть не было произнесено ни единого слова, этот голос Му Цзышань узнала бы из тысячи. Кровь в её жилах словно застыла и хлынула в обратную сторону, а тело превратилось в лед.

Она чувствовала себя так, будто её душу вырвали из тела.

И всё же на самом дне сердца теплилось отчаянное, безумное желание: пусть это окажется ошибкой слуха, пусть там плачет кто-то другой, чей голос так похож на родной.

Уголки губ Хэ Янься наконец тронула жестокая улыбка, и она медленно заговорила:

— С того самого дня, как я выжгла это клеймо на твоей груди, ты навсегда останешься моей узницей, моей рабыней.

— На твоей груди красуется Огненный Лотос Дворца Цюньин. Куда бы ты ни сбежала на край света, стоит кому-то увидеть этот знак, как тебя тут же вернут обратно.

— Сейчас ты моя игрушка, и до конца своих дней будешь оставаться лишь ею...

В глазах Хэ Янься мерцали звёзды, таинственные и сложные, подобно древним тотемам, но прочесть скрывавшиеся за ними чувства не смог бы никто — возможно, даже она сама не до конца понимала их природу.

В душе Му Цзышань бушевал ураган эмоций, в то время как в голове стояла абсолютная пустота. Она слышала каждое слово Хэ Янься, но была не в силах ответить.

Та неторопливо поднялась, оправила одежды и, с легкостью человека, только что отобедавшего за столом, ступила босыми ногами на пол, шаг за шагом направляясь к шёлковому занавесу.

Безумный голос в голове Му Цзышань молил остановиться, умолял не делать ни шагу дальше, но горло словно свело тисками, не позволяя вымолвить ни звука, а ком в горле отдавался невыносимой болью.

Шаг за шагом она приближалась к занавесу, а затем с улыбкой обернулась, словно желая сполна насладиться ужасом в глазах пленницы. Этот взгляд и эта улыбка вонзились в сердце Му Цзышань острее любого клинка, превзойдя по жестокости любые пытки.

Наконец женщина резким движением отдернула занавес.

И кто же рыдал и задыхался от слёз за этой тканью, если не её младшая соученица Цзиньюэ...

Выходит, весь этот постыдный спектакль от начала и до конца разворачивался на глазах у Цзиньюэ.

В миру не зря говорили, что Хэ Янься — сущая безжалостная демоница. Столь изощрённая, жестокая кара превосходила даже смертную казнь через расчленение.

Оказалось, что полностью уничтожить чью-то гордость — еще не самая страшная пытка.

Худшее из мучений, уготованных в этом мире, — выставить напоказ всё самое сокровенное и постыдное перед тем, кем дорожишь больше всего на свете. По сравнению с этим любые изуверские казни Дворца Цюньин, где жертва безуспешно молит о смерти, казались сущим пустяком.

Руки и ноги Цзиньюэ были крепко связаны, а её точки запечатаны — она не могла ни пошевелиться, ни издавать звука, но, увидев всё своими глазами, не в силах была сдержать слёзы и рыдания. Будь то шок, гнев или те запутанные, безымянные чувства, всё выплескивалось наружу лишь в виде слёз; даже если бы Хэ Янься сейчас вернула ей голос,

вряд ли она смогла бы произнести хоть слово.

Завидев Цзиньюэ, Му Цзышань так и замерла на кровати, не в силах пошевелить ни единым суставом и издать хоть звука. В голове оглушительно гремели разнородные голоса, а вопли в её собственном сердце грозили свести её с ума.

Однако, глядя на заплаканное лицо Цзиньюэ, она по-прежнему не могла вымолвить ни слова.

Как бы ей хотелось ослепнуть, чтобы больше никогда не видеть исполненный ужаса и гнева заплаканный взгляд Цзиньюэ.

Как бы ей хотелось оглохнуть, чтобы больше не слышать её хриплые, надрывные всхлипывания.

Как бы ей хотелось лишиться всякой чувствительности, чтобы не испытывать эту разрывающую душу боль от позора, заставляющую желать лишь одного — никогда не появляться на свет.

Гордость, самоуважение и даже последняя искра надежды на жизнь — всё было отобрано этой женщиной до последнего крошечного осколка.

Вытерпевшая все мыслимые пытки и ни разу не склонившая головы перед Хэ Янься, Му Цзышань в этот миг наконец ощутила себя окончательно и бесповоротно побеждённой: лишившись чувств и рассудка, её сердце превратилось в пепел.

И пусть та забирает всё остальное — какая разница? Всё самое ценное, что было в её жизни, разрушено, у неё больше ничего не осталось.

Хэ Янься стояла на другом конце комнаты, молча глядя на Му Цзышань, и на её лице не отражалось ни единой эмоции.

Она и сама не понимала, зачем поступила так, но всё равно сделала это.

Быть может, ею двигала лишь уязвлённая гордость и обида на то, почему эта женщина так сильно дорожит какой-то девчонкой, потеряв рассудок из-за такой сущие чепухи.

<http://bllate.org/book/21760/2250246>